

АII.химик

Жить — ХОРОШО!...

Не родись красивой...

Наша необъятная Родина СССР! Самая великая держава! И — огромная, по площади! И на этой территории живут сотни народностей! С разными обычаями, с разным языком, и с самой разной внешностью и цветом кожи. И у нас самая интернациональная страна! Человек человеку — друг, товарищ и брат! Мир-Труд-Май! Мы все равны! Не то, что там, в Америке, где несчастные негры без прав всяких... Так воспитывали всех нас, так мы жили, так думали... Но не все так думали! А точнее, не во всех обстоятельствах!..

В то время Советское государство и Советское Правительство разработало Программу поддержки малых народов СССР. И по этой программе все ВУЗы, по графику и утверждённой разрядке, обязаны были принимать и обучать (несмотря на уровень подготовки) приезжающих таких представителей из малых народов.

Они приезжали с направлениями от советских государственных органов, обустроивались в общежитии, очень скромно себя вели, а, отучившись и получив диплом, многие

возвращались в свои родные края. Возвращались, потому что не могли прижиться среди чужого народа, с чужими обычаями, с чужим укладом жизни.

В середине 70-х годов прошлого уже столетия, в один из среднестатистических городков нашей Казахской ССР приехала одна очень скромная девушка. Приехала она поступать и учиться в местном ВУЗе. Рядовая ситуация, вроде бы, но вся история то из-за того и случилась, что девушка эта была не просто так девушкой! Оля (так её звали, и было написано в паспорте) была коренной якутянкой.

Она приехала сюда по той самой государственной программе в поддержку малых народов СССР, и тихо училась в местном медицинском ВУЗе. Глядя из окна своего студенческого общежития, она смотрела на бескрайнюю казахстанскую степь, и вспоминала родную и такую далёкую тундру, с такими же далёкими и родными северными оленями. Она была маленького росточка, и её обветренное снежными метелями смуглое личико с раскосыми миндалевидными глазками не привлекали взоров интернационального мужского населения этого города. И думала Оленька, что вот, вернётся она в своё стойбище по окончании учёбы, будет там «однако, доктор-Оля» и потом её сосватают по их

старым обычаям за какого-нибудь Васю-оленевода. И будет она жить-поживать и добра с детишками наживать, как и все остальные её сородичи.

Так жила и думала Оля, пока где-то не наткнулась на другого Васю. Васю-тракториста. И что-то такое запало на сердце у Васи — потомственного донского казака, волею обстоятельств и судьбы, родившегося не на берегу величественного и *тихого Дона*, а в далёкой казахстанской степи. То была участь судьбы многих раскулаченных, репрессированных и переселённых в далёкие от родных мест края, в годы советской коллективизации 30-х годов.

Так всё и вскипело у Василия в его широкой груди после встречи с сибирячкой, что он, не долго думая, решил жениться на Оленьке и объявил об этом страстном желании своим родителям. После оглашённого Василием приговора, относительно его судьбоносного решения, у него в доме случился траур, и Васина мать слегла в слабости:

— ...за что такое, сынку-уу? Ну, разве нет других красивше-ее и приго-о-жих? На что тебе эта лилипутка косогла-за-я? А ты подумал, какие у вас детки то бу-уду-ут? Рыжы-и, да косоглазы-и! Тьфу, ты прям — срамота! Пожалей ты на-аас....,- тоскливо подвывая, тоненьким голосом скулила потомственная донская казачка, словно это волки были на луну в глухую и голодную ночь.

Но Вася был неумолим:

— Мы живём в СССР и у нас — интернационал! У нас полное равноправие! Хочу жениться на ней — и всё! Не жените — уйду из дома! Уеду в эту тундру в тайге! — Горячился Василий в своём протесте.

То, что тайга и тундра понятия совершенно разные, и в тундре самые рослые деревья — это карликовые берёзы и людям они по пояс, а ему будут по колено, Василий не знал, но настроен он был решительно. Делать нечего, и стали готовиться родители к свадьбе, готовиться, словно это похороны.

В назначенное время, в ясный зимний день, прошла торжественная регистрация, молодые были нестерпимо счастливы, а Васины родители и родня пребывали в глухой печали. И сидели гости за свадебным столом, словно на тризне заупокойной, а веселились лишь молодые и их гости — молодёжь интернациональная. И на торжественные и радостные крики молодёжи: «Горько! Горько! Ура!»- Старшие лишь горько-горько вздыхали, а Васина мать утирала горестные слёзы!

Как вдруг появились гости — приехали на свадьбу отец Оленьки и младший брат её мамы. Приехали так скоро, как смогли — далёко-то, однако! И ненадолго — ночью обратно: «...Олешки там, однако, совсем одни остались. Так что только

посидим за столом и — обратно на вокзал, не обессудьте *родственники* дорогие!». Васина родня только хмыкнула от этих слов, и молча с неприязнью, рассматривала приехавших гостей из далёкой северной тундры.

А гости выглядели совсем не так, как все остальные. Поверху они одеты были в меховые кухлянки из оленьей шкуры, и отороченной по краям мехом соболя, а одежда их, пошитая из оленьей кожи тонкой выделки, была расшита весёлыми рисунками, видимо к тожественным случаям, вроде нынешней. На ногах у гостей также были симпатичные меховые унты из той же оленьей шкуры, а в своих натруженных руках гости держали кожаные мешки-рюкзаки, также пошитые из выделанной оленьей кожи.

«В такой одежке — ни в какой мороз не смёрзнуть! Факт! Но ходить по улице в таком — ну, никак не можно! Осрамят, мол, чукча, а не казак донской!..А сваты-то, сваты! Господя-а!.. Ну, чукчи, чукчи и есть! Да и ещё припёрлись-то с мешками какими-то кожаными! Да ещё из рук их не выпускают! Да кому нужны котомки-то ваши вонючие!»— Мрачно думали свою думу казаки и казачки.

Сибирские гости молча поели, и потом Олин дядя взял слово:

— Однако, дочка, нам идти надо. Поезд

скоро! Потому дочка, живи хорошо и радуйся сама. А чтобы помочь твоей радости — вот это тебе, однако! — С этими словами оленевод вытащил из кожаного мешка связку соболиных шкурок, и бросил их на поднос для подарков! — А это, много-много нет, а мало-мало есть вам молодым от меня, однако. — И с этими словами он бросил туда же тугой квадратный пакет, обёрнутый в старую газету «Труд» и обтянутый поверх засаленным кожаным ремешком.

За столом воцарилась гробовая тишина! Связка соболиных шкурок шокировала всех сидящих за столом! Неслыханное богатство и не только в те времена! Ручной выделки шкурка соболя и иной пушнины во все времена была разменной валютой у всех народов. А здесь целая связка — двенадцать штук!.. А на пакет в газетной обёртке никто не обратил никакого внимания...

— Это, однако, — прервал тишину Олин отец, — от меня, дочка, тоже такое тебе есть мало-мало. — С этими словами он развязал свой кожаный мешок, и, вынув оттуда пару связок шкурок горностая, также бросил их на поднос.

Затем он достал ещё связку шкурок соболей и протянул их Васиной маме:

— Это, однако, тебе, сватья! На полушубок! Носи! А это, — и с этими словами он вынул из своего *волшебного мешка* несколько песцовых

шкур и протянул их Васиному отцу, — тебе сват! Сшей себе шапку добрую, однако! И ещё тебе, дочка, однако, чтобы шибко-то не грустила. — И он достал пакет, но гораздо больших размеров, чем до этого подарил молодым его шурин, обёрнутый в такую же старую и замызганную газету «Труд», и, коротко размахнувшись, бросил его через головы сидящих на стол с подарками в углу комнаты.

...И на этот пакет в газетной обёртке опять никто не обратил никакого внимания. Потому что все гости с окаменелым видом смотрели на неслыханное богатство — подарки Олиных родственников, и Васина мама, оторвав свой отрешённый взгляд от пушнины и судорожно переведя дыхание, спохватилась:

— Что ж это вы ничего не кушаете-то, гости дороги-е! И куды ж вы так торопитесь родственники наши разлюбезны-е? Погостите ещё несколько деньков...

Но олениводы спешно засобирались:

— Поезд, однако! Нельзя опаздывать! Потом на самолёт и — домой! Олешки там, работать надо.

Вся Васина родня с просветлевшими лицами засобирались провожать дорогих гостей к поезду. И как повелось — на посошок, за здоровье, за родню, за тайгу, за оленей... По возвращению с вокзала, проводив *дорогих* и *симпатишных* родственников-олениводов, все принялись

рассматривать пушнину. Васина мама с блеском в глазах нежно поглаживала меха и, набросив на свои плечи соболей, стала крутиться у зеркала, прикидывая, как мол, будет смотреться. В это время стали разбирать подарки, и одна из родственниц наткнулась на туго упеленанные пакеты в газетной обёртке.

— А это что такое? — Вопросила брезгливо она, — и газеты какие-то старые и грязные...

— А это моё приданное, — тихо сказала всеми забытая в этой суматохе Оля. — Деньги!

— Как, деньги? И сколько здесь? — Встрепенулась от соболей новоиспечённая свекровь.

— Не знаю, посмотрите, посчитайте, *мама!* — Так же тихо и устало ответила Оля.

Свекровь никак не отреагировала на эту провокационную дразнилку, а все взгляды теперь были прикованы к этим свёрткам в грязной газетной упаковке. Там действительно были деньги! И — немалые, по тем советским временам! В малом пакете оказался подарок от дяди в сумме 25 тысяч рублей в советских дензнаках. В большом — подарке от Олиного отца — 50 тысяч рублей!

При средней, и к пожизненно приговорённой зарплате в 120 рублей в месяц, такую сумму денег можно накопить лет так за 50–60. И это в том случае, если всё откладывать в «кубышку», и

ничего не есть, питаюсь святым духом. А если откладывать половину зарплаты (кушать-то всё равно что-то надо!), то потребуется 100 лет, не меньше! А одеваться на что? А то, да сё? Тогда такую сумму можно скопить лет так за двести...

Так долго живут только черепахи и вороны. И им, в смысле черепахам и воронам, деньги ведь совсем не нужны! А здесь, в грязных газетных упаковках — 75 тысяч рублей! Неслыханная сумма! Невиданное приданное... и вся жизнь ещё впереди!

В комнате опять воцарилась гробовая тишина! Васина мама остекленело переводила взгляд с пушнины на деньги и обратно, и подняв потяжелевший взор, невидяще посмотрела на свою нелюбимую сноху, которая скромно и устало сидела в конце свадебного стола в полном одиночестве.

— Што ж ты там сидишь одна-одинёшенька-а? А?... Красавица ты наша сибирска-я! Што ты там клюёшь-то с блюдечка, словно цыплёно-че-ек? Миниатюрненькая, ты на-ша! Да тебе ж о здоровьице думать-то уж по-ра! Поешь-ка вот этого вкусненького и полезненько-го! Да где ж этот дурень-то? Жену-красавицу одну-одинёшеньку оставил, бесты-жи-ий! — Всплеснув руками, тоненьким голосом запрочитала свекровь, суется над уже любимой и красавицей неписанной снохой (и никакая она не лилипутка

вовсе-то. Просто она такая вот — «миниатюрненькая!»)...

...И стали они все жить-поживать, да добра с детишками — *рыженькими и косоглазенькими* — наживать!

Маугли, однако!

В пору, когда я учился в Ленинградском училище связи, осенью нас отправили на уборку картошки в один из колхозов в Ленинградской области. Картошка, как картошка, с обычным лагерным проживанием в полевых условиях, и с обычными приключениями в те молодые годы, с ночными дискотеками и походами в сельский магазин за вином и водкой. И был среди нас один якут — Федя, он попал в эту «путягу» — училище — после неудачного поступления в ВУЗ, как многие из нас. И был он до чрезвычайности невозмутим во всех обстоятельствах и рассудителен. Весьма рассудителен. И было это, видимо, его наследственным достоянием...

Фёдор родился и вырос в глухой и далёкой тундре в семье оленеводов. Он жил самой обычной жизнью оленевода, жизнью, которой жили все его предки с самого своего существования, а возможно и с самого сотворения мира. Он иногда учился в школе, проживая в интернате в большом городе, но,